Лианна медленно шла по дремучему лесу. Могучие ровные стволы высоких древ чередовались с низкими корявыми уродцами, что в окружающей темени казались припавшими к земле чудовищами. Нос щекотали запахи прелой листвы, а через спутанные кроны изредка пробивалось дымчатое свечение полной луны, раскрашивая лес в серебристые тона, среди которых проскальзывали гнилостно-зеленые мазки.

Её взгляд скользил по деревьям и кустарникам вокруг, которые, чем дальше от нее, тем сильнее терялись во мгле и стелющемся у земли тумане. Лианна не знала, куда идет, просто бездумно следовала за скачущим перед ней клубком волшебных нитей, который сам собой взбирался на холмы и спускался в низины. Она не помнила, откуда у неё такая удивительная вещь или куда она её ведет, да то было и не важно, ведь следовать за клубком казалось единственно верным поступком, поэтому Лианна продолжала беспечно идти за ним, хрустя сухими веточками под босыми ногами.

Стояло мертвое безмолвие, ни единого звука ночного леса не раздавалось вокруг, только тихий шорох собственных шагов да угрожающе нависающие деревья сопровождали её в этом путешествии.

Несуществующая тропинка, ведомая лишь волшебной вещи, вела её все дальше сквозь чащобу, пока, наконец, не вывела на небольшую прогалину, почти полностью открытую свету ночного светила. Оказавшись здесь, Лианна на миг замерла у границы будто расступившегося леса, после чего решительно шагнула к приземистой бревенчатой избушке в центре поляны. Избушка была мала, по самую крышу заросла мхом, и, казалось, готова развалиться от любого ветерка. Но густая мощь, что спокойно струилась вокруг этого места, в противовес зрению, тихо шептала ей сказки о великой крепости, об которую сломала зубы не одна армия. Ветхое крылечко и пара покосившихся окошек, затянутых бледной пеленой густого тумана, казалось, приветливо улыбались гостье, приглашая подойти ближе.

На крыльце её ожидала и хозяйка этих мест: древняя маленькая старушка восседала в деревянном кресле с гнутыми ножками. Она была одета в ворох какого-то тряпья, будто сшитого из множества потертых лоскутов, её волосы прятались под повязанным на голову платком, из-под которого выбивались несколько грязно-серых прядей. Плечи старушки покрывала большая красивая шаль со сложными вышитыми узорами, которая, скорее, пошла бы столичной барыне, чем отшельнице из глуши.

И хотя её широкие зрачки были полностью затянуты белесой пленкой катаракты, глаза внимательно следили за каждым шагом девушки. Безгубый рот под длинным крючковатым носом кривился в подобии улыбки, из-за чего на сухой серой коже, похожей на многократно скомканную бумагу, пролегали глубокие складки морщин.

— Явилась, наконец, — проскрипела старушка визгливо. — Давненько ты ко мне не захаживала, господарочка. Совсем дорожку сюда позабыла, окаянная. Ни тебе весточки для старой наставницы, али дара какого, а теперь, вишь ты, вон она какая, царевна удалая.

— Здравствуй, матушка Ягай, — сами собой произнесли губы Лианны. — Прости, что долго не навещала, но дел невпроворот. Не царевна более я, но Царица всея земли Кислева, а ворогов вокруг в эти годы даже больше, чем в прежние лета. Дела государственные да походы ратные крепко меня держали. Но полно рассказывать о том, про что тебе и так земля шепчет. Принесла я дар, наставница, прими же это в знак приветствия и извинения с моей стороны. — Она подняла руки, в которых неожиданно из ниоткуда появился деревянный короб.

Лианна подошла ближе к крыльцу и поставила на него короб, после чего отступила на шаг

назад.

— Хо, ну Царица аль царевна — то неважно, пока ты вежество не забыла, девонька, — довольно кивнула старушка, после чего схватила кривую клюку, опертую о кресло, и неожиданно ловко выскользнула из него. Теперь стало видно, что она не только стара и мала, но и горбата. Подойдя к коробу, она скинула клюкой резную крышку. — О-о-о, да, уважила старую. По-царски уважила, внученька! — проговорила она, растянув губы в неестественно широкой улыбке, демонстрируя Лианне жуткие острые зубы.

Из короба сама собой выплыла вытянутая голова с красной кожей, двумя рогами по бокам и россыпью шипов. Вслед за ней появилась лысая башка темно-зеленого, почти черного цвета, с приплюснутым носом и мощной челюстью, а из-под губ виднелись внушительные клыки.

Немного приглядевшись, девушка заметила, что оба трофея были покрыты ледяной коркой, а их глаза слабо двигаются, сверкая вокруг яростными взглядами.

Старушка протянула руку к красной голове и легким движением костлявых пальцев отломила верхний кончик правого рога. Существо бешено завращало глазами от боли. Древняя ведьма внимательно осмотрела свою добычу, после чего закинула обломок себе в рот. Лианна услышала хруст на её зубах.

— Хорошее лакомство, — пробубнила старушка, блаженно прикрыв глаза. — Ах, как приятно его ярость покалывает язык. — Она проглотила угощение и снова уставилась своими слепыми глазами на гостью. — Ну что, останешься у бабушки на ночлег? Я баньку стоплю, да супчиком из мозговой косточки тебя попотчую, — предложила она, постучав пальцем по лысине зеленой головы. — А то ты со своим морозным колдунством, да трудами государственными совсем исхудала. Кожа да кости! А ведь раньше такой пригожей девкой была, эх.

— Прости, наставница, но я должна отказаться, — с сожалением покачала головой Лианна. — С удовольствием бы наведалась в твою баньку, но заботы не ждут. А с угощения твоего, боюсь, поплохеет мне.

— Сперва-то, конечно, поплохеет, зато позже как полегчает, силёнок сразу прибавится, да и в старости будешь такой же резвой как сейчас. Я тебе еще во времена ученичества говорила переходить на правильное питание, а ты все нос воротила, дурында. Плоть врагов земли нашей для таких, как мы, самая здоровая пища, — назидательно проговорила Ягая, значимо подняв вверх костлявый палец. — Ладно уж, говори, чего пришла, ясно же, что не просто повидаться приперлася.

— За советом я к тебе, матушка Ягая, и, может быть, за помощью какой, — тяжело вздохнув, произнесла Лианна. — Много горя видела наша родина за последние годы. Огнем и мечом шли по земле племена варваров, оскверняя все, до чего могли дотянуться. Но мы выстояли, опрокинув их силы в битвах при Урзубье и Мажгороде. Как и в прежние времена, рабам Темных богов не удалось сломить дух сыновей и дочерей Кислева, а пришедшая зима довершила начатое. И все же… и все же… — Она на мгновение умолкла, после чего выдохнула, словно бросаясь головой в омут. — Я уверена, что это только начало. Отовсюду идут слухи один страшнее другого. Вспышки безумия и бессмысленные бунты происходят по всему Старому Свету. Из наших собственных деревень и городов приходят вести о росте числа мутаций, и, кто знает, сколько из тронутых скверной уходят от кары и бегут в леса, пополняя легионы козломордых. Проклятая луна с каждым появлением все дольше задерживается на небосводе, а что несет с севера… — Лианна с мольбой посмотрела на свою старую наставницу. — Эти далекие крики. Вой демонов, бой барабанов из человеческой кожи и безумный смех. Ты же

слышишь их, верно? Не можешь не слышать. Другие могут позволить себе заткнуть уши, но ты, как и я, слишком глубоко связана с венами Древней Вдовы, чтобы обманывать саму себя.

— И к чему же ты клонишь, Царица? — вопросила старейшая из унгольских ведьм, чуть склонив голову. — Ты же не пришла сюда только затем, чтобы рассказать то, что мне и так ведомо? Чего ты хочешь?

— Всего, — заявила Лианна, решительно сверкнув глазами. — Помощи, напутствия, благословения, мудрости и силы. Если нас ждет новая Великая Война, я желаю, чтобы ты, Летнее Сердце Кислева, шла в бой рядом со мной.

— Эх-хэ-хэх, многое же ты просишь, ученица, — ответила Ягая, нахмурив седые брови. — Даже слишком многое. Али забыла ты, что по древнему договору силы зимы, которыми вы владеете, это щит и возмездие, в то время как вотчина лета это исцеление и очищение. Именно поэтому вы, Зимние Сердца, правите в блеске славы, пылая мощью стужи, а я век за веком тлею в глуши, сдерживая пятна скверны. Кто поможет этой земле восстановиться, если я погибну в битве? Ныне среди ведьм нет той, кто могла бы взять на себя эту ношу.

— Я ничего не забыла, наставница, — ответила Лианна, отрицательно качая головой. — Будь ситуация иной, я бы никогда не заговорила об этом, но то, что я чувствую… — Девушка затихла, после чего упрямо склонила голову и продолжила: — Это меня пугает и заставляет готовиться к худшему. Что, если в этот раз случится так, что восстанавливать будет нечего? Я не жила во времена пришествия прежних Всеизбранных, мне не с чем сравнивать, но моя интуиция буквально воет о том, что грядущее нашествие будет превосходить все виданное этими землями в прошлом.

Она умолкла, решительно смотря на старую ведьму, которая неотрывно разглядывала её своими слепыми бельмами.

— Тц, складно глаголешь, девица, — наконец нарушила молчание Ягая, в раздражении впившись пальцами в глазницу красной головы, тем самым вызвав безумный вой, который невозможно было расслышать обычными ушами. Вырвав склизкий шар, она покатала его в руке, после чего подняла перед собой и внимательно уставилась в узкий зрачок, где до сих пор пылало пламя ненависти демона. Посмотрев в него некоторое время, Ягая впилась зубами в глазное яблоко и высосала из него всю мякоть, словно из маринованного помидора. Лианна отстраненно подумала, что такая картина должна бы быть ей противна, но так и не ощутила какого-либо отклика. Представление с поеданием сырых органов неведомого чудовища воспринималось как нечто обыденное. — И, к сожалению, должна признать, что в твоих словах есть истина. Мощь врага, что я вижу в отголосках сути этой твари, уже превзошла все, что было на моей памяти, и она продолжает расти, — проговорила старуха, закончив поедать свое лакомство. Она на мгновение затихла, и устало опустила плечи. — Что ж, присаживайся, нам есть, что обсудить, царица Катерина, — произнесла ведьма, приглашающе махнув гостье рукой.

Мир вздрогнул.

Она видела, как её тело двинулось вперед, приблизившись к ведьме эфирной тенью, но одновременно оставаясь на месте. Все вокруг — лес, полянка, домик, старуха и её собственная тень — расплывалось сизым туманом, а в разуме погребальным набатом стучало: «катерина… Катерина… КАТЕРИНА!». Оно было рядом все время, с момента её пробуждения блуждало на грани сознания, и вот теперь вырвалось на свет, с грохотом вскрывшегося льда на пограничной реке Линск, а вслед за ним нескончаемый поток образов знаний и чувств, грозивший просто утопить её. Тем не менее, краеугольный камень ИМЕНИ крепко встал на своё законное место,

незыблемой скалой возвышаясь на пути потопа. Она еще не могла полностью осознать все то, что так неожиданно к ней вернулось, но её собственное настоящее имя теперь четко пылало в центре всего, а вокруг него медленно, но верно начинал расти дворец осознания себя.

***

Её расколотый разум медленно покачивался на мягких волнах эфира. Формы перетекали одна в другую, образы сходились и расходились, постепенно собираясь в единую картину. Ассоциативные цепочки переплетались между собой, все крепче связывая две, прежде почти независимые ветви. Изморозь рисовала новые узоры на причудливо перекрещенных пластинах, которые с треском и скрежетом меняли свои очертания, образуя еще более невероятные конструкции, что возносились к несуществующим небесам хрустальными башнями великой твердыни сознания, среди которых расцветали синие розы.

Слияние двух частей единого целого близилось к своему логическому концу.

Она разлепила сухие губы и с хрипом втянула воздух, после чего мгновенно закашлялась. Под ней было что-то мягкое, а во рту стоял горьковатый привкус какого-то травяного настоя. Выровняв дыхание, Катерина Бокхи открыла глаза.

«Или теперь правильнее говорить Лианна Старк? — рассеянно подумала она, оглядываясь вокруг. — Да, пожалуй, нужно привыкнуть откликаться на это имя. Впрочем, вряд ли это будет сложно, в конце концов, я жила как Лианна целых шестнадцать лет. Но последить за собой все же стоит, а то, не ровен час, своим странным поведением брата еще больше перепугаю. Брат… даже три брата, два старших, и еще младший близнец. Брандон, Эддард и Бенджин. И отец Рикард. Живые… только двое».

Катерина хорошо помнила ту жизнь, что прожила со своей новой семьей в этом мире, и чувствовала, как её сердце наполняется мягким теплом. Пусть они не всегда ладили, а после смерти её второй матери Лиарры, отец Рикард стал далеким и черствым, но они все были ей бесконечно дорогими людьми. Её семьей.

И теперь, после того, как она вспомнила всех тех, кого потеряла в прошлом, печаль по Рикарду и Брандону стала еще горше. С другой стороны, в отличие от юной Лианны, которая во время своего плена раз за разом иссушала себя виной, Катерина с высоты своих лет понимала, что события турнира от нее совершенно не зависели. Пусть бы даже она не согласилась в порыве раздражения прогуляться с принцем в местную богорощу. Что это могло изменить? Мелкие сложности в реализации плана ни за что не смогли бы остановить сумасшедшего Таргариена.

Воспоминания о том, сколько проблем её молодое «я» умудрялось доставлять похитителям, при своих невеликих возможностях, заставляли Катерину даже чуточку возгордиться. Хотя ей все же недоставало хитрости и жесткости. Сама царица сперва бы постаралась усыпить бдительность этих ничтожеств, а затем во время «ночи любви» просто и без затей лишила мразотного дракона его мужского достоинства. О, она отлично понимала, что после того долго бы не прожила, даже если бы попыталась взять его в плен, то без помощи результат был бы один. Да и было бы забавно напоследок посмотреть на дракона-евнуха. Ведь он так мечтал о том, что произведет на свет этого своего «обещанного принца», а тут такая незадача.

Мысль была приятной, а сосредоточиваться на том, чем лично для неё закончилась эта

история, Катерине совершенно не хотелось, поэтому она предпочла продолжить размышлять о Таргариене, старательно подавляя память о маленьком безвольном тельце в её руках. Слишком свеж и горек был этот образ.

Она точно помнила, что перед тем, как потерять сознание, видела своего брата Эддарда, и он, без сомнения, не был видением. Получается, они победили? Сейчас она не в верхней комнате, которая запомнилась ей с такой ясностью, что хотелось скрежетать зубами, следовательно, гвардейцы здесь больше не заправляют, иначе она бы снова оказалась заперта там. Да и вести к ней плененного брата было бы совсем странным решением. Такую глупость сложно было ожидать даже от Рейгара… Так что, пока нет доказательств обратного, Катерина могла предполагать, что восставшим удалось скинуть лоялистов, или, как минимум, значительно их потеснить. Может ли статься так, что эта драконова мразь сейчас в плену? Такое развитие событий было бы… чрезвычайно удачным.

«Думаю, я могла бы убедить Роберта позволить мне напоследок пообщаться с этим дегенератом. Это же такая малость, верно? — Губы Катерины сами собой сложились в мечтательной улыбке. — Впрочем, все пространные рассуждения спросонья ни к чему не приведут, — мрачно подумала она, быстро стирая веселье со своего лица. — С тем же успехом может статься, что Роберт мертв, а на трон сейчас прочат кого-то из его братьев. Нужно выяснить, что происходило вокруг, пока я была в плену».

Катерина попыталась приподняться, чтобы сесть в кровати, но ладонь скользнула с края матраса, вынуждая её рухнуть обратно на подушку. Рука что-то задела, после чего раздался медленно нарастающий скрип. Растерянно моргнув, Катерина повернула голову и едва успела заметить, как табурет, стоявший возле нее, на мгновение замирает в равновесии на уголках двух ножек, после чего с какой-то вальяжной неизбежностью клонится дальше.

Громкий грохот в следующий миг, ударивший по ушам, заставил девушку нервно дернуть плечами и поморщиться. Только сейчас она ощутила, насколько слаба, и как ломит тело от долгой неподвижности. Бег по башне после прошлого пробуждения не прошел даром. Интересно, сколько времени она здесь провалялась?

В коридоре послышался шум, и через мгновение в распахнувшуюся дверь влетела дородная женщина в простой грубой одежде, лет сорока на вид.

— Миледи Старк! Вы очнулись? Радость-то какая! — с порога запричитала она. — Нелли! — громко гаркнула служанка, обернувшись к выходу. — Немедленно сообщи лорду Старку!

Катерина заметила, что после её вопля рядом с косяком мелькнул знакомый серый подол.

— Ох уж эта бестолковая Нелли, вечно дрожит, стоит подойти к вашей двери и входить отказывается, — протараторила женщина, всплеснув руками, после чего быстро приблизилась к кровати и начала хлопотать над Катериной. — Вам что-нибудь нужно, госпожа?

— Воды, — с некоторым усилием проговорила Катерина, немного сбившись из-за такой кипучей деятельности.

— Ах! Конечно, мейстер строго наказал напоить вас укрепляющим настоем, как только вы проснетесь. Сейчас-сейчас.

Служанка поставила на место табурет, быстро извлекла из шкафа, находившегося в комнате, глиняную бутыль и кубок.

Тем временем Катерина осторожно приподнялась. На этот раз все вышло удачно, и она смогла сесть, а не неуклюже распластаться на матрасе. Хотя тут, скорее, нужно отдать должное женщине, которая поспешила ей на помощь, как только наполнила кубок.

Приняв из её рук чашу, Катерина вдохнула аромат лесных трав и ягод, сдобренного легкими нотками алкоголя, после чего медленно пригубила из неё. Жидкость с приятным вкусом наполнила её горло, быстро утоляя жажду.

Одним движением осушив кубок, девушка передала его служанке, жестом приказав наполнить его снова.

— Сколько времени я была без сознания? — спросила Катерина, подтягивая себя ближе к высокой спинке кровати, чтобы на нее опереться.

— Ах, госпожа, вы упали еще до того, как нас сюда привели, поэтому не могу ручаться за свои слова, но я тут уже, почитай, вторую неделю, — ответила она, возвращая Катерине кубок.

— Понятно, — вздохнув, ответила царица. Неудивительно, что ей так тяжело двигаться, все еще не так плохо, как могло бы быть. Она отпила немного настоя, после чего продолжила: — Я голодна. Приготовь мне жидкую кашу на воде и мясной отвар.

— Как прикажете, миледи, — с поклоном ответила служанка. — Но, может быть, вам хочется чего-то большего? Ведь вы так долго питались только молоком и медом!

— Именно поэтому я требую то, что сказала, — бесстрастно произнесла Катерина. — Если тебе встретится мейстер, он прикажет кормить меня тем же самым.

В коридоре раздались быстрые шаги, чуть ли не бег, и вскоре в комнату вошел её брат Эддард. Он сделал два шага в её направлении, после чего замер на месте, с каким-то нездоровым блеском в глазах всматриваясь в её лицо.

— Ступай, — приказала Катерина служанке, после чего сосредоточила все свое внимание на брате.

Женщина с неожиданной ловкостью для своих габаритов выскользнула из комнаты, оставляя их наедине.

Катерина сразу заметила, сколь сильно изменился он по сравнению с тем, что помнило её юное «я». Даже сильнее, чем после времени, проведенного у Аррена, когда её тихий брат всего-то стал чуть более открыт для чужаков. Теперь же его выправка стала тверже, в линии плеч чувствовалось напряжение, словно от тяжести долга, что ему неожиданно пришлось принять; на лице появилась короткая борода, которая делала его похожим на их старшего брата, а знакомые серые глаза смотрели острее и жестче.

— Лиа, — наконец выдохнул он, внезапно разрушая напряженное молчание.

— Здравствуй, Нед, — ответила она, слегка улыбнувшись ему.

Он молча подошел к кровати, склонился над Катериной и крепко обнял её. Ответив на объятия, царица почувствовала, как напряжение, сковывающее Неда, постепенно покидает его.

— Я счастлив, что ты, наконец, очнулась, сестренка, — с облегчением произнес он, после чего отстранился от Катерины и сел на табурет, сжимая левой рукой её ладонь. — Каждый день

ожидания был настоящей мукой.

— Извини, что заставила ждать, — ответила она. — Похоже, я была очень уставшей.

— Теперь это так называется? — пробормотал Эддард, качая головой. — Лианна, ты была при смерти! Повитухи, которых Этан приволок из ближайшей деревеньки, только охали, да возносили хвалы Матери. Хорошо хоть один из армейских мейстеров оказался здесь достаточно быстро, но и он твоё выживание иначе как чудом не называл. А когда я рассказал, что ты сама спустилась с башни вниз, да еще по дороге убила Эртура Дейна, он посмотрел на меня как на умалишённого! Твой живот… — он устало вздохнул, и умолк, не договорив.

— Да, кажется, помню, — тихо проговорила Катерина, осторожно тронув низ живота свободной рукой. Сквозь тонкую ткань её пальцы ощутили бугры неровных стежков, скрепляющих длинный разрез. — Когда старик Хайтауэр понял, что его новый король не спешит выходить из меня, он отобрал у Дейна меч и вспорол мне живот, после чего бросил умирать. Если бы не служанка, заштопавшая разрез, меня бы не было в живых, — она крепко сжала зубы и мрачно посмотрела куда-то сквозь Эддарда. — И даже после этого хваленый Белый Бык не смог сохранить ему жизнь, — со злостью прошипела она, после чего вновь сосредоточилась на брате. — Скажи мне, Нед, от чего умер мой сын?

Эддард некоторое время просто молча смотрел на неё, но, в конце концов, решил ответить.

— Мейстер сказал, что он задохнулся, — сказал он, нахмурив брови. — Дыхание не смогло открыться самостоятельно, а помочь ему было некому. Но я не знаю, что он этим хотел сказать.

— Зато я знаю, — ответила Катерина, после чего откинула голову назад и сдавленно рассмеялась: — Ха-ха, великие белые гвардейцы, ха, образец рыцарства и защитника короля, ха-ха-ха, бесполезные идиоты! Ну, конечно, как ему могло прийти в голову, что для того, чтобы его король начал дышать, он сам должен его ударить?! Безмозглый железный болванчик! Ха-ха-ха-кха… кха…

Её смех и через силу выдавливаемые слова сменились кашлем и всхлипами. Голова закружилась, а в глазах потемнело.

— Лианна! Лиа! — услышала она взволнованный голос своего брата. — Ты меня слышишь, Лиа?! О боги, подожди, сейчас я приведу мейстера!

— Стой, — выдохнула она, в последний момент перехватывая его руку, которая почти покинула её ладонь. — Я в порядке, не нужно никого звать, — проговорила Катерина, сделав несколько глубоких вздохов. В глазах начало проясняться.

Эддард чуть помедлил, но все же опустился обратно на табурет.

— Ты выглядишь еще хуже, чем когда я вошел, — все так же обеспокоено произнес он.
— Уверена, что все в порядке?

— Да, — откликнулась Катерина, вытирая правой рукой выступившие слезы. — Меня просто выбило из колеи то, что мой ребенок погиб из-за дурости его самозваных защитников. Проклятый Хайтауэр так кичился своим долгом, а когда дошло до дела, оказался опасным глупцом. И ведь если бы здесь был хоть кто-то, немного разумеющий во врачевании, мой малыш был бы жив! — Злость вспыхнула в ней с новой силой, но мгновенно опала, оставляя в душе только сухой пепел.

В помещении повисло тяжелое молчание. Катерина сидела, устало опустив плечи, апатично уставившись в пространство. Очередная крайность в противовес прошлым взрывам. Скрепы железного самоконтроля, которыми она сковывала себя большую часть первой жизни, никак не желали удерживать в узде мечущиеся чувства её юного «я». А ведь, казалось бы, что такое беды Лианны на фоне того, что выпало на долю Катерины? Лишь очередная потеря, которой должно просто печально кивнуть и оставить позади, ведь как гласит кредо самой северной страны Старого света — Это неважно.

Или всему виной именно то, что она родила и потеряла ребенка? Уж что-что, а это для неё было в новинку. В свою бытность царицей она обладала огромной силой. Её власть над лютыми морозами была столь велика, даже в сравнении с предшественницами, что в народе Катерину называли не иначе как перевоплотившейся первой ханшей-царицей. Той самой древней шаманки, что тысячу лет назад вывела кочевые племена господарей из пустошей хаоса в земли нынешнего Кислева, тем самым защитив их от скверны Темных Богов.

Но за всякую силу нужно платить. Магия, переполняющая её тело даже в летнюю пору, делала Катерину такой холодной, что она при всем желании не могла породить жизнь. Более того, даже удержать себя от убийства собственного супруга во время соития было непростым делом. Благо, он, как и полагалось его должностью, являлся достаточно сильным человеком, чтобы справляться с её приглушенной силой при исполнении супружеского долга, вот только результата все их старания принести не могли.

И теперь, в этом новом мире, она в полной мере испытала радость материнства и горечь потери дитя. И физически и духовно прочувствовала, как в ней растет и крепнет жизнь, а потом, вслед за перерезанной пуповиной, ощутила, как насильно оборвалась связь, что соединяла воедино их души. Кто знает, к чему могло привести подобное? К такому нельзя было подготовиться; это невозможно было познать с чужих слов — только пережить.

— Лиа, ты дважды сказала, что гвардейцы считали твоего ребенка своим королем, — произнес Эддард, вырывая её из размышлений. — Но ведь еще есть живые Таргариены, у которых больше прав на престол. У них были единомышленники, готовые поддержать претензии бастарда в обход законных наследников?

Катерина мысленно фыркнула. Похоже, брат не придумал ничего лучше, чем попробовать отвлечь её от мыслей о мертвом сыне, с помощью разговора о политике, который также крутился вокруг её мертвого сына. Сомнительная идея, но, пожалуй, она могла бы воспользоваться и ею. По крайней мере, рабочий лад может помочь вернуть душевное равновесие. Другое дело, если бы бодрствовала только та её часть, которую звали Лианна, это бы совершенно точно не помогло. Эх, братец-братец.

— Не спрашивай у меня, что творилось в головах у этих помешанных, — чуть раздраженно откликнулась она. — Но бастардом они его не считали. Еще в первые дни по приезде сюда Таргариен притащил откуда-то септона и устроил какую-то пародию на свадебный обряд. Вот только я плохо помню, как все происходило. Перед началом меня опоили какой-то отравой, — сказав это, Катерина зло улыбнулась и добавила: — Но на утро я проснулась первой, так что на простынях оказалась отнюдь не только моя кровь. Жаль только, довести дело до конца мне не удалось.

— Ах, так вот оно что, кхм, ясно, — пробормотал Эддард. — А Роберт-то все гадал, откуда на лице Рейгара еще до битвы взялся свежий рубец.

— Роберт встречался с ним в битве? — спросила Катерина, ухватившись за самую важную

часть его фразы.

— Ты не знаешь? — удивленно спросил Нед. — Роберт убил принца в битве при Трезубце. С тех пор минуло уже несколько месяцев.

— Нет, последние новости, что до меня доходили, были истории про бой в Каменной Септе, — медленно покачала головой Катерина, чувствуя, как в ней поднимается злое ликование. — С тех пор слугам было запрещено рассказывать мне что-либо, а позже гвардейцы выгнали всех, кроме одной девушки. — Она глубоко вздохнула, прикрыв глаза, после чего устремила на Эддарда требовательный взгляд. — Расскажи мне все, Нед, я хочу знать, как умерла эта мразь.

— Как пожелаешь, — согласно кивнул ей брат. — После битвы при Каменной Септе, наши объединённые силы…

http://tl.rulate.ru/book/31769/688600